

CZU: 808.51:321.7(477)

**СОВЕТСКОЕ vs НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДИСКУРСОВ И ПРАКТИК
В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ**

Яна ПРИМАЧЕНКО

Институт истории Украины, НАН Украины

SOVIETIC vs NAȚIONALIST:**OPOZIȚIA DISCURSURILOR ȘI PRACTICILOR DIN UCRAINA POST-SOVIETICĂ**

Articolul se concentrează pe confruntarea dintre discursurile sovietice și naționaliste din Ucraina post-sovietică. Autorul ilustrează modul în care această confruntare este folosită de diferite persoane politice atât în interiorul, cât și în afara Ucrainei pentru a-și atinge scopurile. O atenție deosebită se acordă problemei privind identitatea națională în Ucraina, precum și rolului Euromaidan-ului în reabilitarea discursului naționalist reprimat al OUN-UPA. În concluzie se afirmă că identitățile regionale puternice din Ucraina nu pot fi o problemă pentru integritatea statului, deși iresponsabilitatea elitelor ucrainene a permis Rusiei să folosească criza pentru a declanșa un adevărat conflict.

Cuvinte-cheie: *sovietic, naționalist, Euromaidan, identitate națională, memorie politică, OUN-UPA, discurs, practică, Ucraina.*

SOVIET vs NATIONALIST:**OPPOSITION OF SPEECHES AND PRACTICES IN POST-SOVIET UKRAINE**

The article focuses on the confrontation of Soviet and nationalistic discourses in post-Soviet Ukraine. The author illustrates how this confrontation is used by different political players inside and outside of Ukraine to achieve their goals. A special attention is paid to the problem of Ukrainian national identity as well as the role of Euromaidan in rehabilitating of repressed nationalistic discourse of OUN-UPA. Among the conclusion is that powerful regional identities in Ukraine can't be a problem for state integrity of Ukraine, though irresponsible position of Ukrainian elites allowed Russia to use the crisis for inspiration of real conflict.

Keywords: *soviet, nationalistic, Euromaidan, national identity, memory politics, OUN-UPA, discourse, practice, Ukraine.*

История, память и политика формируют матрицу, в рамках которой происходит конструирование коллективной памяти с целью создания поля национальной идентичности. Инструментализация исторического знания для решения внутренних и внешних политических задач давно стала нормой на постсоветском пространстве. Данная практика достигла своего пика во время Евромайдана и российской интервенции в Украину. Развернутая российскими СМИ информационная война активно эксплуатирует старые советские пропагандистские штампы времен второй мировой войны, где советское противопоставляется националистическому. Украинцев называют «фашистами», а украинские войска – «карателями». На танках террористических группировок ДНР и ЛНР часто присутствуют такие надписи: «За Донбасс!», «На Киев!», «На Львов!» [1]. 24 августа 2014 г., в День Независимости Украины, террористы устроили в Донецке парад с участием украинских военнопленных [2], который отсылает нас к маршу немецких военнопленных в Москве 17 июля 1944 г. [3]

Попытаемся разобраться, как и почему возникло данное противостояние, как изменилась ситуация после Евромайдана и каковы перспективы выхода из создавшегося конфликта.

После провозглашения в 1991 г. независимости Украины, главная линия конфликта коллективной памяти имела как политическое (советское vs националистическое), так и географическое (восток vs запад) измерение. Наличие сильных, а иногда и полярных региональных идентичностей давало повод многочисленным экспертам неоднократно заявлять о неизбежности дезинтеграции Украины.

Центральной темой этих дискуссий было украинское национально-освободительное движение националистического толка, представленное Организацией Украинских Националистов (ОУН) и ее

военным крылом – Украинской Повстанческой Армией (УПА)¹. Выйдя из тьмы забвения, сложное и неоднозначное наследие ОУН-УПА породило бурные исторические и общественно-политические дискуссии.

Немецкий исследователь украинского националистического движения Франк Гольчевски как-то справедливо отметил: «Вопрос о месте ОУН-УПА в украинской истории не является лишь исторической проблемой, он существенно влияет на понимание современной украинской нации и государственности. Нравятся кому-то эти организации или нет – они внесли вклад в восприятие украинцами себя как нации...» [4, p.307-308]. Это наблюдение наиболее точно отражает суть общественно-исторических дискуссий вокруг проблемы ОУН-УПА. Сформированный в условиях «холодной войны», исторический нарратив украинского освободительного движения застрял на линии противостояния двух взаимоисключающих дискурсов – советского и националистического. Апологетическая традиция националистического нарратива, сформированная украинской послевоенной эмиграцией США и Канады, де-факто продолжала конкурировать с модифицированной версией советской пропаганды, где украинские националисты были представлены в образе предателей-коллорабационистов.

ОУН-УПА вместе с националистическими движениями бывших балтийских республик Советского Союза оказались в эпицентре «войн памяти» за переосмысление наследия второй мировой войны. Сформированная и искусственно поддерживаемая определенными внутренними и внешними политическими силами, коллективная память об ОУН-УПА была втиснута в дихотомию между универ-

¹ОУН была создана в 1929 г., объединив ряд западно-украинских и эмигрантских правых организаций. В 1930-х гг. действовала на территории Польши. Осуществила ряд резонансных политических акций и террористических актов. После убийства советскими спецслужбами в 1938 г. лидера Евгения Коновальца в ОУН началось противостояние между представителями старшего и молодого поколения. В феврале 1940 г. С. Бандера и группа его соратников, преимущественно представителей т. наз. «Края» – Западной Украины, выделились в отдельную фракцию. В апреле 1941 г. они, не признав легитимности римского съезда ОУН, провели свой II (краковский) Большой Съезд ОУН (б), на котором был взят курс на создание Украинской Суверенной Соборной Державы (УССД) путем национальной революции. Таким образом, организация распалась на две группы, впоследствии ставшие известными под аббревиатурами ОУН (м) и ОУН (б) – по фамилии своих лидеров Андрея Мельника и Степана Бандеры. Попытка заручиться поддержкой немцев не увенчалась успехом ни для одной из фракций. Немцы не признали Акт восстановления украинской государственности, провозглашенный бандеровцами 30 июня 1941 г., и потребовали его отозвать, а вскоре начались репрессии против членов ОУН (б). В конце 1942 г. репрессии распространились и на группу Мельника, которая на тот момент активно действовала в Киеве. Большинство членов ОУН (м) были расстреляны в Бабьем Яру. В августе 1943 г. состоялся III Чрезвычайный Большой Съезд ОУН (б), который ознаменовал переход ОУН (б) на демократическую платформу. Причина отказа ОУН (б) от монополии в политическом руководстве и переход к мировоззренческому плюрализму были связаны с целым рядом факторов: 1). Создание УПА, чей многонациональный и идеологически разношерстный состав (40% солдат не являлись членами ОУН) не воспринимал тоталитарную идеологию; 2). Столкновение с советской действительностью во время т. наз. «похода на Восток» – продвижение небольших групп ОУН с целью пропаганды идеи независимой Украины и установления украинской власти на освобожденной от большевиков территории. Как оказалось, население Центрально-Восточной Украины было не готово сражаться за независимую Украину, не зная будущего социально-экономического устройства украинского государства. Для мобилизации национально-освободительного потенциала «нероссийских народов» СССР 21-22 ноября 1943 г. ОУН (б) инициировала проведение I конференции пораженных народов Восточной Европы и Азии. Основную массу делегатов составляли представители национальных сотен УПА. Конференция постановила о создании Антибольшевистского Блока Народов (АБН). С этого момента фактическим кредо националистов становится лозунг: «Свобода народам, свобода человеку!». В июле 1944 г. был создан Украинский Главный Освободительный Совет (УГОС) – представительский орган украинского народа. Разумеется, что в условиях войны и советской оккупации реализовать демократические принципы было крайне сложно. В СССР не существовало других партий, кроме коммунистической. Западно-украинские легальные партии были распущены советской властью еще в 1939 г., а многие их деятели были репрессированы. Тем не менее, националистам удалось привлечь в УГОС представителей разных регионов Украины, которые исповедовали разные идеологические позиции. По окончании второй мировой войны, в эмиграции началась активная полемика относительно целесообразности отказа ОУН от ведущей роли в украинском национально-освободительном движении. Главными сторонниками возвращения на довоенные позиции были освобожденные из немецкого концлагеря С. Бандера и Я. Стецько. Изолированные от внутривосточных процессов в ОУН, они не прошли идейной эволюции и не приняли новых положений. В ходе длительных дискуссий произошел второй раскол ОУН. В результате в феврале 1954 г из 34 (Закордонные части) ОУН – официальное название ОУН (б) в эмиграции – выделилась группа во главе со Львом Ребетом и Зиновием Матлой, которые остались приверженцами демократической платформы. В 1956 г. группа Ребета-Матлы организационно оформилась в ОУН (за кордоном) – ОУН (з). В историографии и публицистике за ними закрепилось неофициальное название – двийкари (от двойки лидеров). В дальнейшем двийкари совместно с ЗП (Заграничное Представительство) УГОС сохраняли и развивали демократическую традицию ОУН (б) в эмиграции. Двийкари стали одной из наиболее динамичных интеллектуальных сил украинской диаспоры: основали издательство «Пролог», издавали журнал «Сучасність», активно поддерживали движение шестидесятников в УССР.

сальными ценностями и этническим принципом. Это тормозило процесс деколонизации истории, который начался после провозглашения независимости Украины, создавая простор для различных манипуляций. Репрессированный в советский период дискурс ОУН-УПА так и не был реабилитирован, оставаясь заложником стойких идеологем. На фоне постоянных инвектив осознание вклада украинского освободительного движения в украинскую национальную идентичность отошло на второй план. Проблема ОУН-УПА рассматривалась в основном в региональной привязке к Галиции, где зародилось само движение.

Можно рассматривать конфликт вокруг ОУН-УПА на уровне коллективной памяти, в основе структуры которой лежат две составляющие: 1) массовая персональная память, сформированная из воспоминаний отдельных индивидов о событиях прошлого; 2) национальная память, являющаяся организационным принципом конструирования национальной идентичности [5, p.39]. Таким образом, одна часть граждан Украины, как на уровне массовой персональной памяти, так и на уровне модифицированной коммунистическим режимом «национальной» памяти, не принимала националистическое движение, а другая – поддерживала. Поскольку коллективная память, национальный миф и символы формируют поле национальной идентичности, то для процесса становления украинской политической нации было важным, чтобы украинское освободительное движение нашло свое место в этих структурах.

В украинском постсоветском общественно-политическом дискурсе события второй мировой войны долгое время оставались и местами все еще продолжают оставаться главным социокультурным маркером идентификации граждан. Такая ситуация является следствием пограничного характера украинского общества, которое в период второй мировой войны претерпело коренные демографические и этнические трансформации, связанные как с нацистской политикой «окончательного решения», так и стремлением Сталина обезопасить СССР от иностранного ирредентизма путем создания этнически гомогенной полосы вдоль западных границ советского государства [6].

Современные границы Украины, за исключением Крыма, были сформированы вследствие второй мировой войны. Как отмечает украинский историк Владислав Гриневиц, Украина в ходе этой войны выступала в разных ипостасях: жертвы сталинской и гитлеровской оккупации; страны сопротивления двум тоталитарным режимам; «коллаборантом»; страной-победительницей и соучредителем ООН. Украина второй раз проиграла борьбу за независимость и национальную государственность [7, p.19]. Естественно, что такое наследие создает поле для борьбы разных видов коллективной памяти о второй мировой войне, а следовательно – и об украинской идентичности.

В украинском общественном дискурсе существует не менее четырех взаимоисключающих нарративов второй мировой войны: 1) российский, который опирается на концепцию Великой Отечественной войны и борьбу советских партизан с немецкими оккупантами и коллаборационистами; 2) польский, с характерным акцентом на борьбе Армии Краевой против иностранных оккупантов и УПА; 3) западно-украинский нарратив героической борьбы УПА и ОУН против Советской Армии; 4) еврейский, который сосредоточен на организованном нацистами и их славянскими подручными Холокосте [8, p.55].

Опыт войны для регионов Украины отличался настолько, что порой складывается впечатление будто речь идет о совершенно разных событиях [9, p.323]. Именно отсутствие общего опыта войны является мощным фактором поляризации украинской общественности. Эта ситуация была обусловлена как постколониальным состоянием украинского общества, где процесс деколонизации истории был еще не завершен, так и тем влиянием, которое оказала вторая мировая война на формирование современного мирового порядка [10, p.19].

Процесс национализации памяти о второй мировой войне, начатый после распада СССР, привел к формированию разного виденья когда-то общей советской истории Великой Отечественной войны. Для России победа над нацизмом является «символическим капиталом» не только в исторических дискуссиях относительно репрессивного характера советской системы, но и в политическом противостоянии с прозападными элитами бывших советских республик [11, p.103]. В современном российском историческом и общественном дискурсе активно эксплуатируется образ украинских националистов как коллаборантов и пособников нацистов [12, p.152]. Сама же проблема ОУН-УПА занимает второе место среди наиболее щекотливых вопросов украинской истории, уступая лишь теме героев и анти-героев нового украинского нарратива, где, кстати, одно из ведущих мест принадлежит лидерам украинского национально-освободительного движения – Степану Бандере и Роману Шухевичу [13, p.92].

Тем не менее, переосмысление опыта второй мировой войны является актуальным не только для постсоветских государств, но и для бывших стран Варшавского договора. Эти стремления нашли свое воплощение в Пражской декларации о европейском сознании и коммунизме (Prague Declaration on European Conscience and Communism), которая была подписана 3 июля 2008 г. по инициативе Чешского правительства известными европейскими политиками, историками и диссидентами. Декларация стала итогом работы одноименной международной конференции, которая прошла в Праге при поддержке комитета Сената по вопросам науки, культуры, прав человека и петиций Республики Чехия.

Авторы декларации призвали европейское сообщество признать нацистский и коммунистический тоталитарные режимы наибольшей трагедией XX века. Было предложено: признать преступления коммунистического режима, наравне с нацистскими, преступлениями против человечности и выработать единый критерий отношения к жертвам обоих тоталитаризмов; сделать 23 августа – день подписания Пакта Молотова-Риббентропа – общеевропейским днем памяти жертв обоих тоталитарных режимов; включить в европейские учебники истории материал о преступлениях коммунизма с целью предостережения молодого поколения [14].

Подобные предложения были неоднозначно восприняты европейской научной общественностью, поскольку они противоречат западноевропейской концепции идентичности, которая базируется на Холокосте и культуре покаяния. Во-первых, жертвами советского режима стали народы Центрально-Восточной Европы, чьи национально-освободительные движения и местное население были причастны к Холокосту. Во-вторых, среди западных ученых популярны левые идеи, для них марксизм остается частью западноевропейской интеллектуальной традиции, а не идеологией, которая порождает политических монстров [15].

Для западных демократических обществ героический нарратив не имеет утилитарной – мобилизующей – ценности, тогда как воссозданный героический нарратив ООН-УПА носил партикулярный характер и вступал в противоречие с конкурирующими этническими и социальными группами, которые не могут автоматически принять новых героев титульных наций. Определенную роль имели и региональные отличия культуры памяти [16]. Реализация современного национального проекта в постсоветских республиках происходила во времена, когда в мире уже доминировали тенденции иного порядка. Попытки постсоветских стран найти баланс между героической и мартирологической составляющей национальных нарративов и вписать их в общеевропейский контекст приводили к недоразумениям в той части, где главным «преступником» был коммунистический режим.

По мнению украинского историка Андрея Портнова, главная причина отсутствия среди западных историков понимания стремления их восточноевропейских коллег осудить преступления коммунизма состояла в том, что «для западной части европейского континента марксизм – часть общего просветительского и гуманитарного проекта, а не идеология, порождающая политических монстров». Опыт коммунистического режима, в отличие от опыта нацизма, остается чуждым для западного общества [17].

Отсутствие общего для украинцев опыта второй мировой войны и сложные процессы деколонизации когда-то общей советской истории, как и неготовность западных историков к более глобальному переосмыслению коммунистического прошлого стран Центрально-Восточной Европы, – таков был общий социокультурный контекст украинских дискуссий об идентичности. Сложные украинские дискурсивные реалии наслаивались на более глобальный процесс интеграции истории Центрально-Восточной Европы в западноевропейский исторический дискурс, что неминуемо приводило к конфронтации с уже устоявшимися практиками памяти и коммеморализации жертв второй мировой войны, и прежде всего Холокоста. Последнее было особенно актуально для территорий, которые американский историк Тимоти Снайдер определил как «кровавые земли» [18, p.544]. Огромную роль играла и позиция России, которая имела значительное влияние на внутри- и внешнеполитическую ситуацию Украины.

Для правящей элиты обращение к исторической традиции государственности и национальной идее всегда является способом приобретения легитимизирующей ее политической идентичности. Таким образом, продуцирование исторической памяти превращается в сферу нематериального производства, где историческая политика возникает как «капитализированное в интересах правящей элиты историческое прошлое» [19]. Однако длительное де-факто безгосударственное существование Украины оставило сильные региональные идентичности, обусловленные имперскими культурными влияниями. В этих условиях украинские элиты оказывались перед выбором: опираться на уже существующие, но

региональные в своей основе идентичности, или же взяться за конструирование новой интегрирующей украинской идентичности.

Учитывая отсутствие единодушной поддержки внутри страны и давление соседних государств, чьи исторические дискурсы пребывали в конфронтации с украинским националистическим дискурсом, попытки реабилитировать ОУН-УПА на государственном уровне были задачей сложной и неблагодарной. Куда проще было лавировать или же поддерживать старый советский дискурс второй мировой войны, который, по сравнению с националистическим, был более привычным и, на первый взгляд, менее конфликтным.

Украинский историк Ярослав Грицак охарактеризовал политику памяти в постсоветской Украине при помощи трех «А»: амнезия – амбивалентность – активизация [20, р.367]. Исследуя процесс эволюции исторической памяти в Украине, он отмечал отсутствие линейности в ее становлении. Вследствие этого возникали противоречия, которые он представил в виде четырех пар дихотомий: 1) высокий уровень амнезии vs высокая скорость ее преодоления; 2) высокий уровень амбивалентности vs взаимная несовместимость нарративов; 3) зоны консенсуса относительно прошлого vs глубокое разделение памятей; 4) относительно легкие манипуляции с памятью vs относительно сильный уровень сопротивления общества этим манипуляциям [21, р.380].

Период амнезии – «забывание неудобной истории» – являлся основой советской политики памяти, глобальная цель которой состояла в формировании новой социальной общности – советского народа. Украинцам и белорусам в этой доктрине отводилась роль младших партнеров. Великая Отечественная война подавалась исключительно в виде героического подвига советского народа, национальные формирования, созданные нацистами из советских граждан, как и национально-освободительные движения народов союзных республик, которые изначально ориентировались на нацистскую Германию, были объявлены коллаборационистскими.

Умалчивались такие трагедии, как Холокост или Пораймос², поскольку официальная доктрина не хотела выделять какую-либо этническую группу или нацию. Жертвами нацистской оккупационной политики были исключительно «мирные советские граждане». Этим объясняется тот факт, что первый отдельный памятник жертвам Холокоста в Бабьем Яру (Киев) появился только 29 сентября 1991 г.

Если суть политики «амнезии» состояла в стирании / негативной оценке всех исторических фигур, связанных с автономистскими или «самостийницькими» стремлениями украинцев (Иван Мазепа, Симон Петлюра, Михаил Грушевский, Микола Хвильевой, Степан Бандера), то «национализация» предполагала возвращение Украине репрессированных советской властью героев и истории (УНР, Директория, «расстрелянное украинское возрождение», ОУН-УПА). Данный процесс не был чем-то уникальным; этот путь, в той или иной мере, прошли все бывшие союзные республики. Если бывшие балтийские республики стали на путь решительного разрыва со своим советским прошлым, вплоть до создания музеев советской оккупации в Латвии [22] и Эстонии [23], то Беларусь после непродолжительного периода «национализации» вернулась к советской модели политики памяти о Великой Отечественной войне.

Как уже отмечалось, процесс национализации / деколонизации истории не был последовательным. Президент Леонид Кучма, известный своей политикой «многовекторности», в вопросах политики памяти проявлял амбивалентность, предпочитая балансировать между «советским» и «националистическим» дискурсами. Несомненным позитивом его исторической политики является украинско-польский диалог. К 70-летию Волынской трагедии, летом 2003 г. был проведен ряд двухсторонних мемориальных мероприятий, общественных и научных дискуссий, позволивших Украине и Польше стать на путь национального примирения по ряду сложных вопросов общей украинско-польской истории.

Приход к власти Виктора Ющенко на волне Оранжевой революции ознаменовал начало процесса активизации украинской политики памяти, который до сих пор является доминирующим в украинском историческом и общественно-политическом дискурсе. Именно в 2004 г., во время президентских выборов, впервые были использованы так называемые «черные» HR-технологии, когда проевропейского кандидата пытались позиционировать как фашиста [24].

²Пораймос – большое уничтожение – уничтожение ромов нацистами.

Инициированные В.Ющенко и его командой исторические дискуссии касались главным образом проблем Голодомора и ОУН-УПА. Для проведения государственной мемориальной политики 31 мая 2006 г. им был создан Украинский институт национальной памяти. Неоднократно реформированный, институт продолжает выполнять свои функции научного и аналитического обеспечения формирования национальной политики памяти [25]. Команда президента Виктора Януковича также сделала историческую политику своим трендом.

Государственная политика относительно проблемы ОУН-УПА схематично выглядела следующим образом: от осторожных шагов при президенте Л. Кучме, который создал правительственную комиссию для изучения деятельности националистического движения, до формирования двух полярных вариантов. Первый нашел свое отображение в политике исторической реабилитации Ющенко, которая ознаменовалась попытками примирить ветеранов УПА и Великой Отечественной войны, а также присвоением званий «Герой Украины» лидерам сопротивления – Р. Шухевичу и С. Бандере³. Вторая – ревизией политики предшественников во время президентства В. Януковича, электорат которого придерживался советского нарратива Великой Отечественной войны [26]. Украинский историк В.Гриневиц определил эту тенденцию оксюмороном «вперед в прошлое». Ее характерной особенностью стала реанимация старого героизированного советского наследия на фоне размывания украинской идентичности российской [27, p.21].

Формирование национальной идентичности в Украине, собственно как и сам государствообразующий процесс, запаздывало, что отразилось на всех сферах общественной жизни. Процесс «национализации» неравномерно охватил регионы Украины. Наличие двух конкурентных моделей памяти (украинской / независимой и постсоветской / малороссийской), отсутствие четкой государственной политики памяти, эксплуатация политическими элитами региональных идентичностей для создания негативного образа другого с целью мобилизации собственного электората не способствовали процессу национальной консолидации.

В таких условиях двадцать лет посткоммунистических трансформаций привели к неутешительному результату. Украинский культуролог Микола Рябчук считает, что следствием отсутствия последовательной государственной гуманитарной политики стали диаметрально противоположные представления граждан о своем прошлом, будущем и идентичности. Идеологическое разделение украинского общества затормозило процесс формирования украинской политической нации. Отделившись от империи политически, постсоветская, или как ее называет М. Рябчук – «креольская», идентичность не прошла культурный и ментальный процесс деколонизации [28, p.391]. При этом, как он справедливо отмечает, пластичность таких амбивалентных идентичностей, как постсоветская, позволяет довольно успешно национализировать их при условии разумной государственной политики [29].

Являясь фундаментальной основой полноценной жизни и развития социума, национальная идентичность содержит комплекс ценностей, выполняющих интегративные и мобилизующие функции, необходимые для развития национального сообщества [30, p.235].

Режим В. Януковича вернул в общественно-политический дискурс дискриминационные относительно украинцев практики – активную эксплуатацию образа «фашистов-бандеровцев» [31] и закон Кивалова–Колесниченка «Об основах государственной языковой политики», который фактически делал русский вторым государственным языком [32]. Все это обострило ситуацию и заставило украинское общество задействовать компенсаторные механизмы, которые и обеспечили успех политической партии «Свобода» – идейных последователей ОУН-УПА – на парламентских выборах 28 октября 2012 г [33]. Дальнейшее пренебрежение общественным мнением и резкое сворачивание проевропейского курса под давлением Москвы вывели на Майдан украинское студенчество, циничный разгон и избиение которого стали началом Евромайдана как широкого общественного движения.

Украинская «революция достоинства» снова подняла вопрос о роли украинских правых, чей красно-черный флаг и приветствие «Слава Украине! – Героям Слава!» стали одним из символов Евромайдана, символическим воплощением борьбы украинцев за свой европейский выбор. Актуализация западно-

³12 октября 2007 г. президент В.Ющенко посмертно присвоил звание Герой Украины главнокомандующему УПА Роману Шухевичу, 20 января 2010 г. аналогичного звания удостоился лидер ОУН Степан Бандера. 19 ноября 2009 г. В.Ющенко издал указ «О дополнительных мерах относительно признания украинского освободительного движения XX века», направленный на восстановление «национальной памяти и исторической справедливости».

украинского регионального дискурса ОУН-УПА в контексте выбора Украиной европейского вектора развития в очередной раз инициировала дискуссию о слабости украинской национальной идентичности, искусственности украинского государства и неминуемости его дезинтеграции. Оппоненты Евромайдана считали его нерепрезентативным, представляющим лишь интересы украинского запада. Этим объяснялось и присутствие на Майдане националистической символики, которая в украинском общественном сознании крепко связана с Галицией. Российская пропаганда, которая в своей основе являлась модернизированной версией старых советских практик, показывала события украинской революции как победу фашистов-бандеровцев. Популярная в российском историко-политическом дискурсе концепция «трех Украин»⁴ заняла центральное место в российском медийном пространстве [34].

Анализируя природу протеста Евромайдана, исследователи выделяют антиколониальную и национально-освободительную составляющие. М.Рябчук считает революцию достоинства попыткой украинцев решить вопрос культурно-ментальной эмансипации от «русского мира», которая позволила бы навсегда порвать со своим статусом неокolonии [35]. Эту мысль поддерживает политолог Антон Шеховцов. Он проводит аналогии между Украиной и послевоенной Австрией, которая, как и Украина, продолжала де-факто быть оккупированной, несмотря на провозглашение независимости. Однако эта оккупация, в украинском случае, имела не внешний, а внутренний характер. Для старых советских управленческих кадров независимая Украина создавала более благоприятные условия для реализации их бизнес-интересов. Такого рода «латентная оккупация», если исходить из терминологии А. Шеховцова, и незрелость украинского общества обусловили довольно бесконфликтное существование в течение 20-ти лет. Выход на политическую арену нового поколения, которое в существующих условиях не имело перспектив достойной жизни в собственной стране, нарушило относительное спокойствие украинской жизни.

А.Шеховцов выделяет четыре составляющих украинской революции:

- 1) демократическую (против авторитаризма, беспредела милиции и чиновников);
- 2) антиколониальную (против имперских устремлений России и советской ментальности);
- 3) социальную (за социальную справедливость, против коррупции);
- 4) либеральную (за европейский цивилизационный выбор) [36, p.27-30].

Немецкий историк Леонид Люкс и американская исследовательница Марси Шор также проводят исторические параллели, которые отсылают нас к уже классическому примеру национально-освободительной борьбы. В фокусе их сравнительного анализа независимая Украина и коммунистическая Польша представлены как российские / советские «внешние колонии». Схожесть польского движения Солидарность и Евромайдана исследователи видят прежде всего в интегрирующей идее национального сопротивления оккупанту, которая позволила объединить политические группы. М. Шор называет украинский Майдан гражданским обществом в концентрированной форме. Этническая, религиозная, языковая, социоэкономическая, поколенческая и идеологическая пестрота Майдана, по мнению американской исследовательницы, напоминает Армию Домовую или Солидарность. Эти крупные польские движения сопротивления также включали в себя широкий спектр участников «от правых до левых – которые при других обстоятельствах вряд ли оказались бы в одном лагере» [37].

Появление символики ОУН-УПА, как и антиколониальный дискурс этого освободительного движения, привнесенные на Майдан представителями младшего поколения, явилось закономерным следствием прежде всего не идеологических, а мировоззренческих позиций украинской «революции достоинства», которые были антиколониальными в широком смысле этого слова. Мобилизационный потенциал национально-освободительной борьбы позволил сгруппировать разные по своим политическим убеждениям группы. Националисты, как радикальные, так и умеренные, стали неотъемлемой частью Майдана, поскольку не бывает национализма без националистов [38].

Схожесть украинских общественных процессов 2013–2014 гг. с польскими периода Солидарности не исчерпывается внутренними факторами. Л.Люкс отмечает, что Польша всегда играла роль слабого звена во внешнем поясе безопасности СССР. Именно с нее начался демонтаж советской системы в

⁴Концепция «трех Украин» рассматривает украинскую государственность как искусственное образование, которое объединяет три абсолютно разных с историко-культурной точки зрения региона: Центральную Украину (историческую Малороссию / Гетманщину), Юго-Восточную (так называемую Новороссию) и Западную Украину (Галицию). Новороссия рассматривается российскими политическими элитами как культурно и исторически родственная России территория.

Центральной Европе. Поскольку независимая Украина, особенно после Оранжевой революции 2004 г., стала похожей на коммунистическую Польшу времен Солидарности, то российская интервенция является последней попыткой бывшей империи удержать статус-кво на территории постсоветского пространства [39, p.21-22].

Сходство ментальных вызовов середины XX в. и украинских реалий 2013–2014 гг. состояло в уникальной возможности вырваться из сферы российского цивилизационного влияния и освободиться от советского наследия. После реанимации старых советских дискурсов и практик понятия «российский» и «советский» снова стали синонимичными.

В оуновском периодическом издании «За свободную Украину!» украинские националисты четко обозначали: «Хотим свободного, ни от кого не зависимого государства! Хотим сами решать о своей жизни, своей земле и своих порядках! Хотим, чтобы украинская земля была соборной! Хотим, чтобы в украинском государстве не было ни бедных, ни богатых, ни господ, ни буржуев, ни пролетариев, ни нищих, а среди украинского народа не было никаких классов!» [40, p.7]. Таким образом, программа строительства социально справедливого строя виделась в четкой взаимосвязи с созданием независимого государства. И если первый пункт – создание независимой Украины – был выполнен, то второй – нет. Евромайдан поднял вопрос наполнения украинского государства украинским «контентом» – его духовной, культурной и политической эмансипацией.

Понимание общности интересов всех граждан Украины независимо от их национальной принадлежности на пути создания социально справедливого строя отсылает нас к антиколониальному наследию ООН образца 1943 г., провозглашавшей либеральный лозунг «Свобода народам – свобода человеку!». Отказ от этнического принципа построения нации в пользу территориального, привлечение к борьбе с московским империализмом представителей всех народов СССР, гарантии прав меньшинств отображают тот ментальный сдвиг, который произошел в идеологии ООН во время второй мировой войны. Именно тогда ООН впервые задекларировала приверженность либеральным ценностям. Несмотря на присутствие на Майдане правых радикалов, доминирующим оставался либеральный подход. Представители разных национальностей объединились вокруг идеи достойной жизни в свободной от внутреннего и внешнего оккупанта Украине. Антиколониальная составляющая украинской революции достоинства была полностью схожа с аналогичной составляющей дискурса ООН. Организационное оформление Самообороны Майдана – создание сотен по национальному признаку – сознательно или нет наследовало практику УПА.

Понимание того факта, что националистическая символика и лозунги Майдана отсылают к демократической платформе украинского националистического движения, важно для осознания ценностных ориентиров украинской «революции достоинства». Канадский историк украинского происхождения Степан Величенко предостерегал от отождествления всего Евромайдана с крайними правыми, идейные корни которых исходят также из идеологии ООН, поскольку подобное упрощение таит опасность повторения старых советских пропагандистских лозунгов [41].

Поддержка украинскими правыми, прежде всего «Свободой», проевропейского выбора обусловлена их интеллектуальной традицией. Несмотря на попытки основателей ООН следовать примеру западно-европейских тоталитарных националистических движений, украинские националисты все же являлись национально-освободительным движением безгосударственной нации. Соответственно, те задачи, которые стояли перед ООН, а затем и перед УПА, требовали отхода от практики интегрального национализма как такового, являющегося неэффективным для достижения поставленных задач. Создание независимого государства – единственное, в чем украинские националисты проявляли последовательность, в то время, как дискурсы и практики быстро эволюционировали и менялись. Интеллектуальная традиция ООН не монолитна. За свою историю организация пережила два сильных идеологических кризиса, вследствие чего распалась на три фракции: бандеровцев, мельниковцев и двийкарей. Именно последняя стала развивать демократическую традицию, тогда как две первых остались в рамках идеологии межвоенного периода.

Обращение современных украинских правых к интеллектуальному наследию ООН-УПА вносит некоторую путаницу, поскольку в разные периоды различные фракции, а иногда одна и та же, исповедовали довольно отличающиеся в идеологическом плане взгляды – от экстремистских до умеренно-либеральных. Но на всех этапах существования ООН главной была национально-освободительная

составляющая движения, что является существенным отличием украинского национализма от западно-европейского. Это отличие – ключевое в понимании контекста украинской революции достоинства.

Майдан стал не просто пиком противостояния советского и националистического дискурсов. Сходство методов, используемых властью в противостоянии Майдану, как и народный ответ в «оуновском стиле», показали, как тесно дискурсы переплетаются с практиками.

Печально известная практика использования так называемых «стрибков»⁵ из худшего местного элемента, из освобожденных от судебной ответственности криминальных преступников, а также морально сломленных единиц, из которых организовывались истребительные отряды, которые под видом повстанцев осуществляли провокации и погромные акции [42, p.139-141], имела свой аналог во время Евромайдана в виде ударных групп так называемых «титишек»⁶. Выдавая себя за активистов Майдана / Антимайдана, они осуществляли провокации, избиения и убийства мирных протестующих.

К таковой, например, можно также отнести спровоцированное 1 декабря 2013 г. столкновение возле Администрации Президента, когда неизвестные под видом активистов Майдана таранили грейдером милицейский кордон, что дало повод «Беркуту» применить силу для разгона демонстрации [43, p.1]. Таким образом, актуализация антиколониального дискурса украинского освободительного движения стала закономерным следствием реанимации режимом В. Януковича старых советских практик.

Новое прочтение наследия Тараса Шевченка во время Евромайдана, совпавшее во времени с празднованием 200-й годовщины со дня рождения писателя, также отсылает нас к антиколониальным практикам ОУН-УПА, которые активно боролись с колонизацией украинского культурного пространства большевиками, выступая против стирания национальной составляющей в творчестве поэта. Во время Евромайдана была осуществлена деконструкция созданного советским литературоведением образа Т.Шевченка – «друга братского русского народа» и борца за социальную справедливость [44, p.16]. Как в свое время ОУН, так и Майдан реанимировал антиколониальную составляющую творчества Т. Шевченка. Неканонический современный образ поэта предстал в виде участника народного протеста и супергероя [45].

Снесение памятников Ленина, как символ деколонизации украинского культурного и политического пространства, имеет прямые аналоги с антиколониальным дискурсом националистического движения, который придавал большое значение борьбе «за душу украинского народа, его идейное лицо» [46, p.8]. По подсчетам украинской журналистки Ирины Винчук, с 8 декабря 2013 – по 4 апреля 2014 г. в Украине было разрушено более 330 памятников Ленина и более десятка – других советских партийных деятелей. И. Винчук выводит взаимозависимость между «ленинопадом» и уровнем национального сознания граждан, отмечая, что именно Донецкая область осталась единственной в Украине, где не было снесено ни одного памятника Ленина [47]. Эту мысль поддерживает и украинский публицист Сергей Грабовский, который сравнивает «ленинопад» со сбрасыванием языческих идолов, когда мифы разрушаются вместе с их падением [48].

Действительно, «ленинопад» в Украине отождествляется с преодолением советскости, и этот процесс пока еще не завершен. Однако характерное для публицистики упрощение не дает ответ на вопрос: почему мы получили именно такую динамику «ленинопада», поскольку не только Донбасс, но и вся Юго-Восточная Украина рассматривалась большинством исследователей как ареал постсоветской / малороссийской идентичности. Последнее неоднократно подтверждалось электоральными предпочтениями жителей юго-востока, которые традиционно поддерживали пророссийский курс Партии регионов и В. Януковича. Поиск ответа вновь отсылает нас к проблеме исторической памяти.

Украинская исследовательница Лариса Нагорная, исследуя процесс освоения культурного ландшафта Украины, отмечала, что региональные элиты имеют возможность обратиться к четырем культурным пластам: 1) «губернскому», который романтизирует царские времена и российскую элиту; 2) «советскому», с акцентом на патернализме и апелляции к трудящимся; 3) «патриотическому»,

⁵ «Стрибки» – искаженная калька с русского слова «истребительные».

⁶ «Титушки» – собирательный термин, возникший в мае 2013 г. для обозначения молодых людей спортивной конституции, негласно используемых в политических целях в качестве наемников для организации разного рода провокаций с применением физической силы. Происходит от фамилии спортсмена из г. Белая Церковь (Киевская область) Вадима Титушко, который 18 мая 2013 г. участвовал в потасовках против оппозиции и напал на журналистку Ольгу Сницарчук и фотокорреспондента Владислава Соделя. Впоследствии В. Титушко был осужден и получил 2 года условно.

обращающемуся к традициям украинской независимости и ее героям; 4) «мещанскому», апеллирующему к повседневности и обывателю. И если на западе доминировала «патриотическая» составляющая, то наличие «советского слоя» в ландшафте и топонимике городов в центре и на востоке все еще присутствовало.

Ликвидаторские настроения центра относительно советского слоя в основном были реализованы во время «ленинопада», тогда как охранные настроения востока так и остались доминирующими. Причину этого Л.Нагорная видит в том, что множество жителей региона считают, что вычеркивание из истории Донбасса советского периода и образа «повелителя недр» равноценно созданию «черной дыры» на шкале социальных ценностей [49, p.256-257]. И так, мы можем констатировать наличие проблемы именно в том регионе, где историческая память не имеет другой альтернативы, кроме советской, как в случае с Донбассом. И тут необходима оговорка, что данные выводы в большей мере правомерны для больших русифицированных городов. Российский историк Николай Митрохин, занимающийся исследованием украинско-российского конфликта на востоке Украины, отмечает, что проект «Новороссия» провалился после неудачной попытки переворота в Одессе 2 мая 2014 г. К середине июля 2014 г. реальная власть сепаратистов распространялась на агломерацию городов и шахтерских поселков, протяженностью более 100 км от Донецка до Краснодона, и на три города, которые туда не входили – Славянск, Краматорск и Мариуполь. Последние вскоре были освобождены Вооруженными силами Украины. Именно отсутствие реальной поддержки сепаратистских настроений заставило президента В.Путина в августе 2014 г. задействовать регулярную армию РФ, чтобы сохранить за ДНР и ЛНР хотя бы какие-то территории [50].

Отсутствие иного, кроме советского, историко-культурного пласта все же априори не являлось непреодолимой проблемой. Преодоление советской ментальности и выход из плена ностальгии по СССР было бы возможным при условии осмысления опыта украинской советской государственности. Однако в выстроенной украинскими политическими элитами дихотомии «советское vs националистическое» не было места третьему пути. Для представителей постсоветской / малороссийской идентичности советское отождествлялось с общим наследием СССР, в то время как носители украинской идентичности рассматривали советское как нечто чужеродное, привнесенное извне, оккупационное и репрессивное по отношению к Украине. Таким образом, советский опыт не был адаптирован как специфический украинский опыт. Определенные и довольно успешные попытки были осуществлены в научной среде, но они так и не стали достоянием общественности или же руководством к действию для политиков.

Сильные региональные идентичности все же не являются препятствием для национальной консолидации. Британский историк Рори Финнин, анализируя протест украинцев против смены президентом В.Якубовичем проевропейского курса, выступил с критическими замечаниями относительно аналитической ценности концепта национальной идентичности для таких внутренне разнообразных стран, как Украина, поскольку, по его мнению, сам по себе тезис о слабости украинской идентичности «не способен более глубоко объяснить историческое возникновение Украины или адекватно описать ее существование и политическую динамику». Более того, ощущение принадлежности к определенному сообществу «вне языка, этнической и религиозной составляющей или даже исторического опыта» указывает на то, что украинская национальная идентичность «может быть одним из наиболее влиятельных и недооцененных социокультурных феноменов такого рода в современной европейской истории. Бросая вызов геополитической гравитации, она дала возможность создать из периферий нескольких империй полиэтническое, полилингвальное и поликонфессиональное государство, которое сейчас является территориально самым большим на европейском континенте» [51].

События на Донбассе подтвердили справедливость положений Р.Финнина. Отсутствие широкой поддержки сепаратистского движения, стремление большинства граждан жить в единой Украине указывают на бессосновательность тезиса о слабости украинской идентичности. Украина, как и большинство постсоветских стран, столкнулась с кризисом идентичности, что является характерным для транзитных обществ. Поэтому в украинском случае более корректно будет говорить не о слабости национальной идентичности, а о ее кризисе. После распада СССР, обусловившего мировоззренческий кризис, украинское постсоветское общество, при отсутствии адекватных предложений от элит, нуждалось во времени, чтобы «снизу» выработать и сформулировать новый объединяющий концепт.

Декolonизационные процессы в Украине, запущенные Евромайданом, двигались по траектории с запада и на восток. От носителей антиколониального дискурса националистического нарратива через центр с его феноменом «ленинопада», как преодоления советскости, на восток, где люди выходили на митинги за единую Украину под национальными флагами. Именно государственность является высшей ценностью любого антиколониального сопротивления. Осознание собственной государственности как ценности в восточных регионах Украины привело к более выразительной артикуляции интегрирующей составляющей украинской национальной идентичности и ее европейского цивилизационного выбора, который условно можно очертить как «Украина – территория нашей силы и свободы». Украинцы в борьбе с российской интервенцией постепенно утверждают кредо своей национальной идентичности, интегрируя репрессированные дискурсы и наполняя старые лозунги и символы новыми значениями. В настоящий момент линия противостояния «советского» и «националистического» пролегает вдоль украинско-российской линии фронта.

Литература:

1. Подробнее см.: http://ru.tvi.ua/new/2014/07/05/kak_v_doneck_vkhodili_tanki_s_nadpisyami_kiev_i_lvov_foto [Accessed: July 5th, 2014]
2. Подробнее см.: <http://zn.ua/UKRAINE/sadisty-iz-dnr-ustroili-na-ulicah-donecka-parad-ukrainskih-voennoplennyh-151461.html> [Accessed: August 24th, 2014]
3. Подробнее см.: <http://www.youtube.com/watch?v=sUpf32EWy4w> [Accessed: July 16th, 2014]
4. HOL'SHEVSKI, Frank. Superechlyva tradytsia: OUN / UPA ta natsietvorennia. In: Andreas Kappeler ed., *Ukraina: protsecy natsietvorennia*. Kyiv: K.I.S., 2011.
5. SNYDER, Timothy. Memory of sovereignty and sovereignty over memory: Poland, Lithuania and Ukraine, 1939- 1999. In: Jan-Werner Moller ed., *Memory and power in post-war Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
6. РИБЕР, Альфред. *Громадянські війни в Радянському Союзі*, <http://www.historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/369-alfred-riber-hromadianski-viiny-v-radianskomu-soiuzi> [Accessed: September 19th, 2012]
7. HRYNEVYCH, V. Viyna za viynu. In: *Krytyka*, vol. 176, no. XVI (2012).
8. KAPPELER, Andreas. From an Ethnonational to a Multiethnic to a Transnational Ukrainian History. In: KASIANOV Georgy and THEREDS Phillip. *A Laboratory of Transnational History: Ukraine and recent Ukrainian Historiography*. Budapest–New York: Central European University, 2009.
9. PENTER, Tania. Ukraintsi ta “Velyka vitchyznyana viyna. In: Andreas Kappeler ed., *Ukraina: protsecy natsietvorennia*. Kyiv: K.I.S., 2011.
10. HRYNEVYCH, V. Viyna za viynu. In: *Krytyka*, vol. 176, no. XVI (2012).
11. ZHURZHENKO, Tetiana. „Chuzha viyna” chy „spilna Peremoha”? In: *Ukraina Moderna*, vol. 8, 2011, Available online at http://uamoderna.com/images/archiv/18/6_UM_18_Doslidzennia_Zhurzhenko.pdf
12. ДЮКОВ, А. *Второстепенный враг: ОВН, УПА и решение «еврейского вопроса»*. Москва: REGNUM, 2008.
13. KASIANOV, G., SMOLIY, V., TOLOCHKO, O. *Ukraina v rosiyskomu istorychnomu dyskursi: problem doslidzhenia ta interpretatsii*. Kyiv: Instytut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2013.
14. Подробнее см.: *Пражская декларация о европейском сознании и коммунизме*. Available online at http://www.iicr.ro/pdf/ro/evenimente/declaratia_de_la_praga.pdf
15. ПОРТНОВ, Андрей. *Этюд о «левой» утопии, или Сомнению подлежит*, <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51716> [Accessed: March 27th, 2013]
16. ZHURZHENKO, Tetiana. Heroes into victims: The Second World War in post-Soviet memory politics. In *Eurozine*, <http://www.eurozine.com/articles/2012-10-31-zhurzhenko-en.html> [Accessed: October 31th, 2012]
17. ПОРТНОВ, Андрей. *Этюд о «левой» утопии, или Сомнению подлежит*, <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51716> [Accessed: March 27th, 2013]
18. SNYDER, Timothy. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. New-York, 2010.
19. КАЛИНИН, Илья. *Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты*, <http://polit.ru/article/2013/05/11/past/> [Accessed: May 11th, 2013]
20. HRYTSAK, Yaroslav. Istoriyai pam'yat: amnesia, ambivalentnist', aktivizatsia", In: Andreas Kappeler ed., *Ukraina: protsecy natsietvorennia*. Kyiv: K.I.S., 2011.
21. *Ibidem*.
22. *Museum of the Occupation of Latvia 1940–1991*, <http://okupacijasmuzejs.lv/en>
23. *Museum of Occupation*, <http://okupatsioon.ee/en>
24. *Кому принадлежат бигборды с Ющенко-фашистом?* <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2003/11/10/4375331/> [Accessed: November 10th, 2003]
25. *Сайт Института национальной памяти Украины*, <http://www.memory.gov.ua/page/postanova-kabinetu-ministriv-ukraini-pro-utvorennia-ukrainskogo-institutu-natsionalnoi-pamyati-> [Accessed: January 12th, 2011]

26. KULYK, Volodymyr. *Natsionalistychne proty radianskoho: istorychna pamiat' v Ukraini*, <http://historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/379-volodymyr-kulyk-natsionalistychne-proty-radianskoho-istorychna-pamiat-u-nezalezhnii-ukraini> [Accessed: September 20th, 2012]
27. HRYNEVYCH, 'Vyina za vyynu'.
28. RIABCHUK, Mykola. «Siak-tak, abyiak»: dvadtsiat' rokiv postkomunistychnoi transformatsii v Ukraini. In: Andreas Kappeler ed., *Ukraina: protsecy natsietvorennia*. Kyiv: K.I.S., 2011.
29. RIABCHUK, Mykola. *Ukraina maie pokazaty, shcho vona zdatna plysty*, <http://www.historians.in.ua/index.php/intervyu/1136-mykola-riabchuk-ukraina-maie-pokazaty-shcho-vona-zdatna-plysty> [Accessed: April 24th, 2014]
30. NAHORNA, Larysa. *Istorychna pamiat: teorii, dyskursy, refleksii*. Kyiv: IPIEND imeni I.F. Kurasa NAN Ukrainy, 2012.
31. Подробнее см.: *Колесниченко предлагает посадить в тюрьму за героизацию ОУН-УПА*, Сегодня, 2013, 8 мая, <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/Kolesnichenko-predlagaet-sazhat-v-tyurmu-za-geroizaciyu-OUN-i-UPA-434918.html> [Accessed: May 8th, 2013]
32. *Zakon Ukrainy Pro zasady derzhavnoi movnoi polityky*, <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5029-17>. [Accessed: April 13th, 2012]
33. Подробнее см.: *Iak vyhliadatyeme sklad novoho parlamentu*, http://www.bbc.co.uk/ukrainian/politics/2012/11/121113_parliament_2012_nk.shtml. [Accessed: November 11th, 2012]
34. Подробнее см.: ШАРЫЙ, Андрей. *Новоросия... что за земля? (Интервью с Андреем Окарой)*, <http://www.svoboda.org/content/article/25363270.html> [Accessed: April 26th, 2014].
35. RIABCHUK, Mykola. *Ukraina maie pokazaty, shcho vona zdatna plysty*, <http://www.historians.in.ua/index.php/intervyu/1136-mykola-riabchuk-ukraina-maie-pokazaty-shcho-vona-zdatna-plysty> [Accessed: April 24th, 2014]
36. ШЕХОВЦОВ, Антон. Украинская революция – европейская и национальная. In: *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 2013, №2. См.: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss20/02Shekhovtsov.pdf>
37. SHORE, Marci. *The Bloody history between Poland and Ukraine led to their unlikely solidarity*, <http://www.newrepublic.com/article/116956/poland-and-ukraine-bloody-history-aside-unlikely-allies> [Accessed: March 10th, 2014]
38. RIABCHUK, Mykola. *Ukraina maie pokazaty, shcho vona zdatna plysty*, <http://www.historians.in.ua/index.php/intervyu/1136-mykola-riabchuk-ukraina-maie-pokazaty-shcho-vona-zdatna-plysty> [Accessed: April 24th, 2014]
39. ЛЮКС, Леонид. Стремление «забытой части» старого континента к «возвращению в Европу» на примере послеялтинской Польши, Евромайдана и русских европейцев. In: *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 2013, №2. См.: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss20/01LuksVstuplenie.pdf>
40. *Choho my khochemo!* In *Za Ukrainsky derzhavu!*, vol.1, no.1 (1942). Available online at <http://avr.org.ua/index.php/viewDoc/2037/> [Accessed: June 26th, 2014]
41. VELYCHENKO, Stepan. *Chomu ukraintsi maiut' obyraty neoliberal'ny i kapitalistychnyi ES, a ne neoliberal'nyi kapitalistychnyi Evraziys'kyi soiuz Putina*, <http://historians.in.ua/index.php/dyskusiya/1126-stepan-velychenko-chomu-ukraintsi-maiut-obraty-neoliberalnyi-kapitalistychnyi-yec-a-ne-neoliberalnyi-kapitalistychnyi-yevraziyskyi-soiuz-putina> [Accessed: April 4th, 2014]
42. MIRCHUK, Petro. *Ukrainska Povstanska Armiya (1942 – 1952)*. Myunkhen, 1953.
43. BUTUSOV, Iuriy. Bankova, 1 hrudnia: khronika provokatsii. In: *Dzerkalo tyzhnia*, vol. 46, 2013. Available online at <http://gazeta.dt.ua/internal/bankova-1-grudnya-hronika-provokaciyi-.html>. [Accessed: December 6th, 2013].
44. LUHOVA, Z. *Natsionalna polityka chervonoj Moskvy v Ukraini*. In: *Ideiaichyn*, 1943, no 3. Available online at <http://avr.org.ua/index.php/viewDoc/11940/> [Accessed: May 30th, 2014]
45. Подробнее см.: Mykola Zhulynskyi. *Taras Shevchenko ta yevromaidan*, <http://incognita.day.kiev.ua/taras-shevchenko-ta-yevromaidan.html> [Accessed: March 20th, 2014]
46. VYROVYI, M. *Ukraina i Rosiia*. In: *Ideiaichyn*, 1943, no 3. Available online at <http://avr.org.ua/index.php/viewDoc/11940/> [Accessed: May 30th, 2014]
47. VINCHUK, Iryna. *Pam'iatnyky ta nazvy na chest' radians'kyh kerivnykiv prodovzhuiut prykovuvaty Ukrainy do pokiynoi derzhavy*, <http://kyiv.comments.ua/article/2014/04/09/090100.html> [Accessed: April 9th, 2014]
48. HRABOVS'YI, Serhiy. „Leninopad”... iak intensyvne likuvannia vid sotsial'noi shyzofrenii?. In: *Den*, no. 75 (2014)/ Available online at <http://www.day.kiev.ua/uk/blog/suspilstvo/leninopad-0>. [Accessed: April 24th, 2014]
49. NAHORNA. *Istorychna pamiat*.
50. MITROKHIN, Nikolay. *Chomy rosiys'ki soldaty hynut' v ukrains'komy stepu*, <http://www.historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/1321-nikolai-mitrokhin-chomu-rosiyski-soldaty-hynut-v-ukrainskomu-stepu> [Accessed: November 1st, 2014]
51. FINNIN, Rory. *Ukrainians: Expect-the-UnexpectedNation*, <http://www.crashh.cam.ac.uk/blog/post/ukrainians-expect-the-unexpected-nation> [Accessed: December 20th, 2013]